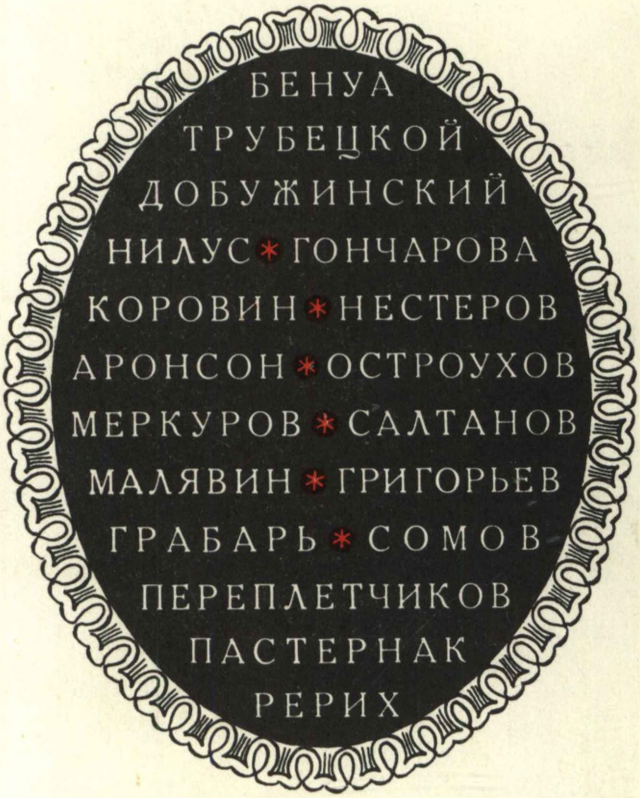
ВАЛЕНТИН БУЛГАКОВ



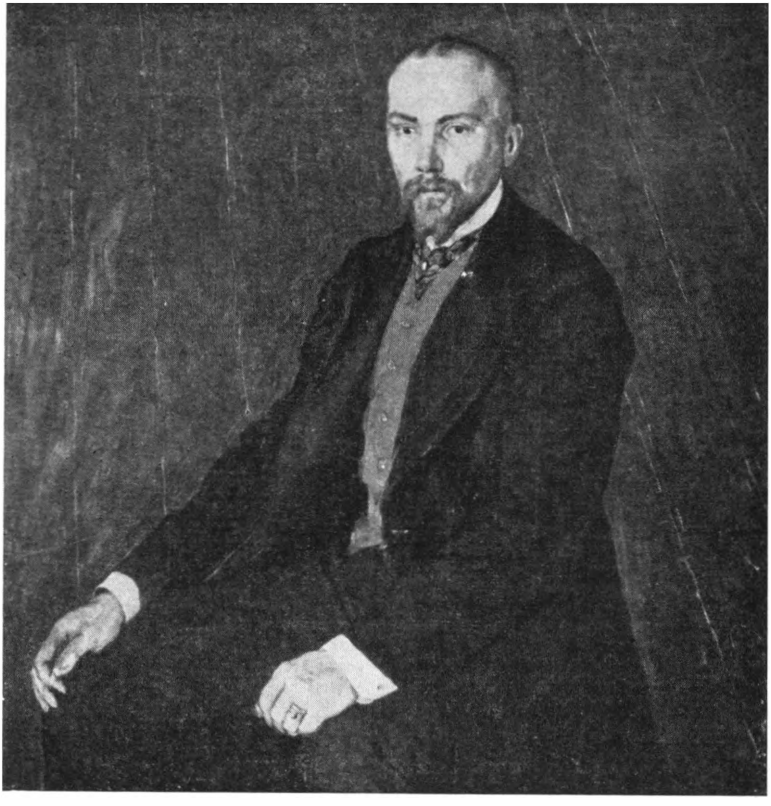
ВСТРЕЧИ С ХУДОЖНИКАМИ

„Художник РСФСР“
Ленинград · 1969

Н. К. Рерих в письмах из Индии

В Москве прошли с большим успехом выставки картин одного из старейших русских художников — академика живописи Николая Константиновича Рериха (1874—1947). Картины эти в большинстве своем доставлены были в Москву сыном художника, видным индологом Ю. Н. Рерихом из Индии, где в последние годы своей жизни проживал и где скончался Н. К. Рерих. Выставка произведений Рериха показана была также в других крупных городах нашей страны.

Таким образом, советские граждане имели возможность познакомиться с блестящим и оригинальным творчеством крупного мастера, в частности с произведениями, созданными им во второй половине его жизни. Однако личность и мировоззрение Н. К. Рериха остаются у нас, в общем, мало освещенными и почти неизвестными. Мне кажется, что этот пробел в нашем представлении о Рерихе могут до известной степени заполнить письма, полученные мною от художника из Индии, на протяжении последних лет его жизни — с 1936 по 1947 год. Состоя в эти годы (с перерывом) директором Русского культурно-исторического музея в Праге — Збраславе (Чехословакия), я начал переписку с Н. К. Рерихом сначала по вопросу о привлечении его работ в музей, но затем объем и содержание переписки расширились: помимо проникших в эту переписку личных, дружественных мотивов, в ней нашли известное отражение теоретические и общественные воззрения художника, его воспоминания, а главное, с большой выразительностью выступил в высшей степени



А. Я. Головин. Портрет Н. К. Рериха. 1907.

привлекательный облик старого Рериха как убежденного и горячего русского и советского патриота. Почти в каждом письме находим мы проникновенные и красноречивые строки осевшего в Индии („сестре России", по выражению Рериха) русского художника о его любви к Родине.

Ознакомить читателя с письмами Н. К. Рериха, хотя бы в извлечениях, оставляя в стороне деловую и личную стороны, и является целью настоящей главы.

Позволю себе сначала напомнить вкратце о главнейших датах рериховского жизненного пути.

Сын петербургского нотариуса, Н. К. Рерих родился в 1874 году. Окончив петербургскую Академию художеств по классу А. И. Куинджи, он работал некоторое время в мастерских парижских художников Кормона и Пюви-де-Шавана. Его первым выдающимся творением была картина „Гонец. Восста род на род" (1897), приобретенная П. М. Третьяковым для основанной им галереи. Сюжет картины относится к праславянской истории. Рерих работает и для театра. Им созданы эскизы декораций для „Князя Игоря" А. П. Бородина, для „Снегурочки" Н. А. Римского-Корсакова и других постановок. Во всех этих работах отражается интерес Рериха к поэзии старины, к древнерусской истории. Он изучает археологию и, соединяя с художественным призванием научное, скоро сам становится лектором Петербургского археологического института. Он входит также в комиссию по реставрации храма Василия Блаженного в Москве, призывает к восстановлению и реставрации памятников древнерусской архитектуры в Новгороде и Ростове Великом, участвует в работах Музея старого Петербурга и Музея допетровского искусства. В Петербурге

Рерих состоит также директором Школы Общества поощрения художеств. В 1907 году он получает звание академика.

Начав свою художественную деятельность с изображения русской и славянской старины, а также памятников финского и скандинавского Севера, Рерих в дальнейшем глубоко и плодотворно заинтересовывается Востоком: Монголия, Тибет, Индия, патетический мир Гималаев находят всестороннее и вдохновенное отражение в его художественном творчестве. Он много путешествует по странам Востока, руководит научными экспедициями, выпускает ряд литературных трудов, посвященных Востоку. Картины Рериха, отражающие жизнь и природу Востока, представляют собой новый и самобытный вклад в искусство. Написаны они преимущественно темперой, с преобладанием принципа „открытого цвета": именно „чистыми, несмешанными красками, которые накладываются сплошным пятном, без внутренней их детальной нюансировки, без световых переходов" (Н. Дмитриева). В этих ярких, декоративных, по-своему гармоничных и цельных холстах Рерих достигает большой художественной выразительности и монументальности.

Целый ряд иностранных музеев (в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Стокгольме, Брюгге) стремился обзавестись его работами. В 1937 году Н. К. Рерих передал безвозмездно Русскому культурно-историческому музею в Збраславском замке близ Праги пятнадцать прекрасных картин и этюдов с условием, что они могут оставаться в музее, пока он существует. Когда в 1945 году Русский музей был разгромлен немецкими фашистами и прекратил свое существование, все лучшее, что уцелело, в том числе и

картины Н. К. Рериха, переведено было мною из Праги в Москву. Картины Рериха поступили в Третьяковскую галерею[1].

Н. К. Рерих является не только художником, но и плодовитым писателем: поэтом, очеркистом, ученым, публицистом и философом. В приложении к изданной в 1936 году в Риге книге Н. К. Рериха „Врата в будущее" напечатан хронологический перечень его семидесяти пяти работ, вышедших отдельными изданиями на русском и на иностранных языках.

Н. К. Рерих был инициатором „Международного пакта о защите культурных ценностей" (так называемого „Пакта Рериха"), принятого и ратифицированного многими государствами, в том числе и правительством СССР.

Скончался Н. К. Рерих в Индии в 1947 году. Тело его было сожжено, и прах, по индийскому обычаю, рассеян с вершины высокой горы.

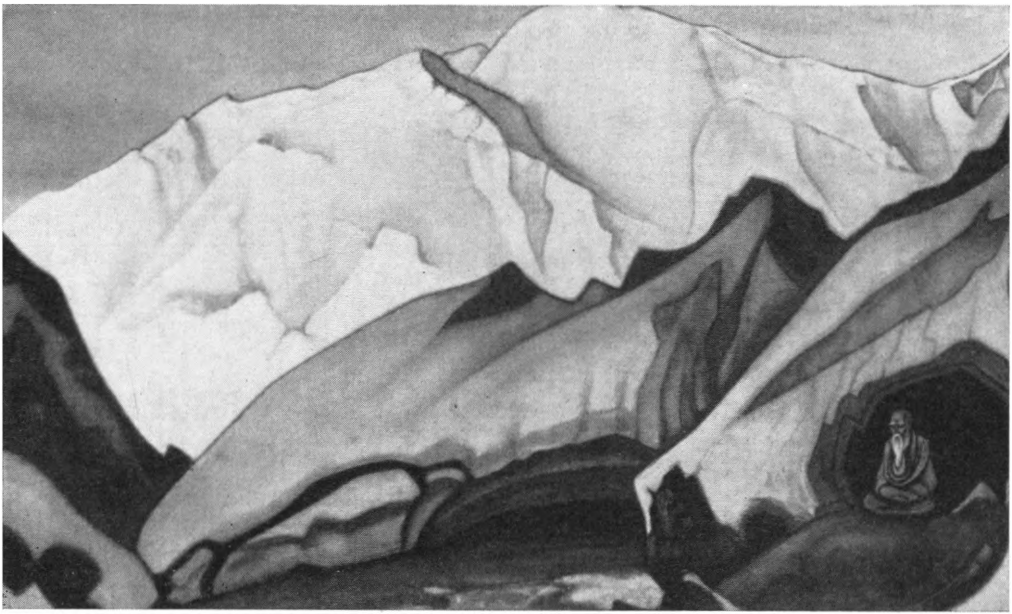
Перехожу к письмам Н. К. Рериха.

Если оставить в стороне официальную переписку музея с Рерихом, то первой личной весточкой от него (в ответ на мое частное письмо, в котором я писал, между прочим, об отношении моем к Л. Н. Толстому) было такое коротенькое письмецо художника от 28 ноября 1936 года:

„Спасибо за сердечную весточку, оценил ее по существу. Ваше сочетание с обликом Л. Толстого мне особенно дорого — ведь он горячо напутствовал в Москве мою первую картину „Гонец". Пусть моя картина „Сергий Строитель" напомнит о нерушимом

---

[1] Все эти картины фигурировали и на обеих московских выставках. *(Прим. автора.)*



Н. К. Рерих. Сантана. 1944.

строительстве. Всего светлого к Празднику и Новому Году. Н. Рерих".

Тут любопытно сообщение об отношении Л. Н. Толстого к картине „Гонец". Сергий Радонежский, репродукция рериховского изображения которого присоединена была к письму, был одной из любимых исторических фигур Рериха: он смотрел на Сергия, как на одного из зачинателей русского культурного строительства.

В следующем письме, от 19 января 1937 года, Рерих касается как раз судеб работников культуры:

„Много чего было по неведению разрушено. Застрелили Пушкина и Лермонтова, отлучили от церкви Толстого, препятствовали Ломоносову и Менделееву войти в Академию Наук. Можно написать ужасающий Синодик и давних, и недавних всяких поношений и разрушений. Через сто лет люди оплакивают смерть Пушкина, но ведь современники его вовсе не чрезмерно старались о нем. Мы говорим об охранении культурных памятников,— это неотложно. Но так же неотложно беречь и деятелей культуры. Ведь они являются живыми памятниками эпохи. Пора оставить всякую зависть, клевету, умаление и взглянуть на дело глазом справедливости. Больно бывает наблюдать, как деятели и работники одной пашни пытаются толкнуть друг друга. Неужели все мировые события, неужели вся история человечества ничему не научили?

Русский культурно-исторический музей — это звучит так своевременно. Музеон — дом, где дружески собираются все искусства и науки, является сейчас показателем нужд нашего времени. Кто-то говорил, что Школ, Университетов и Музеев уже достаточно. Ведь так мог говорить лишь полный невежда. Наоборот,

именно теперь ощущается неслыханная потребность в познании.

...Ваше поминание о „Князе Игоре“ напомнило мне постановки этой оперы в Париже и в Лондоне. В „Нерушимом“ [1] прочтете и мой лист „Злата Прага“, уже более 30 лет питаю к ней симпатию. Если бы Вы заметили, что в чем-то еще можно помочь, трудом, творчеством,— скажите мне. Содружество, сотрудничество, кооперация всегда были моими основами, и потому каждое движение в этом направлении драгоценно“.

В Праге-Чешской состоялась еще в 1904 году первая з а г р а н и ч н а я выставка картин Рериха, имевшая большой успех. Вспоминая о высокой оценке его творчества Франтишком Шальдой и другими выдающимися представителями чешской критики, Рерих пишет о них в своей книге „Нерушимое“ как об „очень тонких культурных ценителях“. „Но помимо этих специальных познаний в области искусства,— добавляет Рерих,— они были, прежде всего, людьми, полными того общечеловеческого чувства, которое делает возможным истинный прогресс культуры“.

В письме от 22 марта 1937 года Рерих сообщает о разных художественных и литературных материалах, посылаемых в Русский музей, выражает удовольствие, что в музее будут также картины его сына — художника Святослава Николаевича (подаренные последним), и снова касается задач и судеб работников культуры:

„Тронут и сердечно чувствую все Ваше доброе отношение и стремление к единению... Вполне присоединяюсь к Вашим суждениям о словах Толстого.

---

[1] „Нерушимое“ — сборник статей Н. К. Рериха, Рига, 1936.

Культурным работникам нужно же хоть когда-нибудь научиться единению и взаимоуважению. Устали мы от злобных взаимоудушений. Например, в Харбине было запрещено чествование памяти Толстого ввиду не снятого отлучения. Вот в какие потемки зашли! Потому-то люди особенно бережно должны охранять культуру на всех ее полях".

18 мая 1937 года Н. К. Рерих благодарит меня за то, что я послал в Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве его статью „Толстой и Тагор": „прекрасно сделали". Из дальнейших строк письма видно, что злобствующие представители эмиграции не переставали поносить Рериха в своих газетах за сношения его с СССР. В 1926 году дальневосточная печать травила Рериха за то, что он пересек Советский Союз, направляясь с Дальнего Востока в Западную Европу. Рериха „радует вдвойне", как он пишет, что я послал его статью в Музей Толстого: „...вижу из этого, что Вы сохраняете ближайшие сношения с этим, близким каждому русскому сердцу, музеем. Наверное, найдутся такие недоумки, которые стали бы порицать такие Ваши сношения. Но будем смотреть в существо дела, будем иметь к Родине истинную любовь и по мере сил служить народу Русскому. В статье моей „По лицу земли" Вы уже читали мои мысли в этом направлении. Знаю, что неким мракобесам эти мысли противны. Увы, приходится видеть много вредительства там, где должно бы быть культурное взаимопонимание. Если бы Вы считали полезным послать в Россию какие-либо мои книги, то напишите мне".

К письму Рериха от 3 июня 1937 года приложена была отпечатанная на пишущей машинке статья некоего В. А.—„Рерих (К сорокалетию академической работы)".

По этому поводу Рерих пишет: „Посылаю Вам список полученной нами из Америки статьи. Мне радостно, что русскость явилась основной темой этой заметки. Ведь Россия, как таковая, всюду и всегда будет нашей основой. Если и делаются [нами] в разных странах накопления [художественных работ], то ведь это все для той же России, светлое назначение которой просияет всему миру".

Н. К. Рерих проживал в Индии близ местечка Наггар, в области Кулута, в Пенджабе. Деревянный дом его находился в горах, на высоте трех с половиной тысяч метров над уровнем моря. Местность, изобилующая разнообразными цветами, была изумительно красива. Она изображена отчасти на картине „Гуга Чохан", выставлявшейся в Третьяковской галерее: конная статуя древнего героя видна была как раз из окон дома Рериха.

Посылая свои картины в пражский и другие музеи, Николай Константинович в письме от 31 августа 1937 года так характеризует сложный и трудный путь экспедиции этих картин: „Ведь для того, чтобы отправить груз с наших гор, мы должны сперва перенести ящик на руках, а затем послать мотором и сменить три железных дороги, прежде чем груз достигнет парохода, а ведь после еще предстоит железная дорога. Все это складывает расходы самые внушительные. Когда мы слышим здесь о европейских расстояниях, то с одной стороны даже завидно становится, настолько там все близко и коротко. А у нас, например, чтобы получить ответное письмо из Цейлона, потребуется две недели".

К этому надо прибавить, что расходы по пересылке картин как своих, так и сына-художника в Русский

музей Николай Константинович великодушно принимал на свой счет.

В том же письме, поминая о вышедшей в Риге монографии Вс. Н. Иванова, посвященной его творчеству, Рерих опять добавляет: „Очень трогательно автор подчеркнул русскость моей работы. Да живет народ Русский!"

„Спасибо за письмо Ваше от 15-го октября,— пишет Н. К. Рерих 9 ноября 1937 года.— Прежде всего о присланных Вами трех книгах. Безотлагательно они были не то что прочтены, а поглощены всеми нами". Под „тремя книгами" Николай Константинович разумеет мои книги о Л. Н. Толстом. Минуя преувеличенно хвалебный отзыв о книгах, приведу лишь несколько строк, в которых содержится некоего рода принципиальное суждение Н. К. Рериха: „Многие свидетели великих событий предпочитают промолчать и боязливо скрыться за спиною толпы. Но Вы считаете долгом своим сказать во всеуслышание то, что Вы знаете, и такое утверждение будет поступком благородным и мужественным. Если бы таких добросердечных подвигов было бы больше, то и разрешение многих проблем стало бы проще. Спасибо, спасибо Вам крепкое от всех нас".

Далее Рерих пишет:

„Посылаю Вам мою статью „Чаша Неотпитая", которая была написана в 1914 году и сейчас с добавлением послана мною в газету Оборонческого Движения. Вы, вероятно, знаете, что Оборонцы выросли в нашем Центре, и мы им оказывали и оказываем всякую моральную поддержку. Поверх всего надо помогать народу Русскому, и именно Вы это соображение вполне поймете. Народу русскому суждена великая

судьба, и все мы, культурные работники, должны принести во имя народа русского наши лучшие познания и опыт, и творчество".

Что такое Оборонческое движение? Это — сообщество прогрессивно настроенных русских и американцев, с центром в Нью-Йорке, боровшееся против антисоветской пропаганды в США. Пропаганда эта в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, достигла апогея. Нет сомнения, что тут действовали и немецкие агенты, старавшиеся вовлечь США в круг союзников фашистской Германии в подготовлявшейся Гитлером войне. Если не ошибаюсь, юридической базой Оборонческого движения являлась так называемая Американско-русская культурная ассоциация, коротко: ARCA — АРКА. Н. К. Рерих числился почетным председателем ассоциации. Почетными членами ее были также: актер Чарли Чаплин, писатель Эрнест Хемингуэй, художник Рокуэлл Кент, дирижер Сергей Кусевицкий и другие видные деятели культуры. На бланках „ARCA" Н. К. Рерих писал некоторые свои письма. Он свято верил в необходимость организации обороны СССР. В книге „Нерушимое", в главе „Оборона", Рерих писал:

„Защита Родины есть и оборона культуры... Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять! Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине!"

Что касается упоминаемого в письме Рериха „нашего Центра", то, по-видимому, им была тогда другая организация, тоже на американской почве (Рерих долго жил в Америке), — организация, в которой Рерих также

состоял почетным председателем, а именно: лига для поощрения культуры „Фламма“ в Нью-Йорке[1].

В письме от 17 февраля 1938 года Рерих дает пояснения относительно содержания некоторых из картин, поступивших в Русский культурно-исторический музей (и позже пересланных в Третьяковскую галерею):

„На поставленные Вами вопросы о картинах разъясню. Гуга Чохан — легендарный покровитель здешней древней страны Кулуты, [статуя его] находится перед самым нашим домом. Для картины Ченрази взят пейзаж Западного Тибета. Там же находятся и скалы с древними изображениями меча Гессар-Хана. Когда я писал картину „Мать Чингиз Хана“, я вспоминал из биографии Чингиза, как однажды все друзья от него отшатнулись и мать говорила ему: „Помни, сын, что лишь тень твоя тебя сопровождает“. Мысли об одиночестве, может быть, наполняли сердце одинокой наездницы. Чингиз Хану у меня посвящена целая серия. „Тень Учителя“ относится к апокрифам о Христе, когда говорилось, что при прохождении его следы тени его не исчезали, а запечатлевались“.

В том же письме, касаясь проекта художника А. И. Юпатова об издании иллюстрированного каталога Русского культурно-исторического музея, Рерих пишет:

„Возвращаясь к каталогу, задуманному Юпатовым, хотелось бы, чтобы на нем не лежал отпечаток эми-

---

[1] Ср. слова Н. К. Рериха в статье по случаю кончины А. М. Горького: „От имени „Лиги Культуры“ принесем наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в Пантеоне Всемирной славы“ (Н. К. Рерих. Нерушимое. Рига, 1936, стр. 334). *(Прим. автора.)*

грантства. Пусть будет эта памятка посвящена русскому искусству, как таковому. То обстоятельство, что русское искусство засияло по всему миру, следует представить широко, подчеркнув значение русского искусства, как такового. Это будет тем вернее, что многие из нас проявлялись за границею уже с начала творчества. Вы помните, что моя первая заграничная выставка была в Праге в 1904 году, а в 1906 году уже были Париж, Милан, Венеция, Вена и прочие центры. Вероятно, скоро пришлю Вам оттиск моего записного листа[1] „Чаша Неотпитая". Как историк, я люблю все периоды культуры, где бы она ни возникала, но, как русскому человеку, мне особенно близок великий народ русский, которому суждено и великое будущее. Знаю это так же достоверно, как самую ближайшую реальность. Меня называют оптимистом. Но тот, кто в творчестве, тот непременно должен быть оптимистом, ибо мы живем и творим для будущего. Для этого будущего будем мы всячески оборонять нашу Родину, если и не мечами железными, то мечами духа. Ради этой обороны мы должны быть готовы на такие проявления, которые называются славным русским словом: подвиг".

Тут же находим гневную реплику по адресу дальневосточного эмигрантского журналиста Василия Иванова, автора клеветнических статей о художнике: „Вы пишете, что не следует обращать внимания на лай Васьки Иванова и прочих мракобесов. Действительно, обращать внимание не следует, но когда знаешь эти позорные пределы иуд-мракобесов, продающих за тридцать серебреников все, самое святое, то стыдно

[1] То есть статьи. *(Прим. автора.)*

становится за такие подонки человечества. Недаром в древности такие сущности назывались двуногими, и почетное слово человек к ним не применялось. Мог бы поведать Вам отвратительные иудовы проделки, но пусть это останется пока в недрах не напечатанных анналов".

В письме от 21 февраля 1938 года „Ваське" снова достается. Поясняя смысл своей картины „Преподобный Сергий" и вспоминая о роли Сергия Радонежского в истории Куликовской битвы, Рерих говорит о необходимости мобилизовать защиту Родины: „А Вы знаете, какие враждебные подкопы ведутся из-за границы — и с запада, и с востока! Между прочим, имейте в виду, что японский наемник мракобес Васька Иванов считает именно эту картину безбожной, ввиду того, что наверху изображено Всевидящее Око. Мракобесы до крайности невежественны и не хотят знать, что даже в древнейших фресках это изображение неоднократно может быть найдено. Вообще, мракобесы-иуды потрясают своей мерзостью".

Дальше — трогательное личное обращение и трогательное воспоминание о Л. Н. Толстом:

„Ваша книга „Духовный путь Толстого" [1] прочтена здесь с великим воодушевлением и признательностью Вам за такое сердечное и справедливое изложение. Действительно, чувствуется, как Вы полюбили эту глубочайшую сторону великого писателя и учителя. Мы все были не только обрадованы Вашей книгой, но и сердечно тронуты, ибо по нынешним временам так необходимо громко высказываться о самом драгоцен-

[1] В Праге книга была издана в 1923 году под названием „Толстой-моралист". *(Прим. автора.)*

ном, чем жив дух человеческий. Нельзя ли в Праге найти „Путь жизни“ Толстого — здесь хотели бы прочесть.

Когда я читаю Ваши книги, все время упорно возникает мысль: если бы довелось поработать близко вместе с Вами. Думается, скоро послужим ближайшим образом народу русскому. Принесем накопления, опыт и знания. Чувствую, что именно Вы поняли бы истинное значение прекраснейшего русского слова: подвиг... Шлю Вам душевный совет: спешите во всем, в чем можно поспешить. Не буду утяжелять письма объяснениями, но знаем, что нужно спешить во всем изо всех сил“.

Между тем политическая обстановка в Европе осложнялась, опасность возникновения мировой войны увеличивалась. Рерих пишет 7 мая 1938 года:

„В удивительное время мы живем,— разве это не армагеддон? В одну ночь исчезают целые страны, целые города, целые музеи. Мир заболел эпидемией агрессии. Если вдуматься во все последствия таких насилий, то поистине становится страшно. Сколько человеконенавистничества, злобы, клеветы и лжи изливается, а ведь эти яды надолго впитываются, и целые поколения окажутся искалеченными. Если же мы еще вспомним о всяких надувшихся богатеях, сидящих под фальшиво раззолоченными колоннами гостиниц, то картина становится еще ужаснее. Мог бы рассказать Вам о многих потрясающих знаках. Люди толкуют их примитивно и объясняют пятнами на солнце. Вот и теперь пишут, что на солнце появилось огромнейшее пятно, вследствие которого произошли магнитные бури. Но не появилось ли такое же пятно и на совести человеческой и какие такие соответственные бури и

катастрофы зародятся от этого? Мы — не пессимисты. Наоборот, всегда были оптимистами, такими и останемся. Но нельзя закрывать глаза на происходящее. Каково молодое поколение в Праге? Хотелось бы, чтобы повсюду молодое поколение росло бодрым и готовым к благому служению. Из некоторых других мест жалуются на молодежь, особенно же за то, что она чрезмерно увлекается спортом, который затмевает все прочие гуманитарные стремления".

В письме от 31 мая 1938 года, реагируя на мое сообщение, что я сибиряк по рождению, Рерих (совершенно неожиданно для меня) заявляет о своем „энтузиазме" по отношению к Сибири и ее „жемчужине" Алтайскому краю и предсказывает им великую будущность:

„Глубоко порадовало нас,— пишет он,— Ваше сведение, что Вы — сибиряк и притом большой патриот своего отечества. Вы ездили по горам Алтайским, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Котандою будет местом большого центра. В Париже, когда Вы посещали наш Центр [1], Вы, наверное, видели мой этюд „Белуха". Там было три этюда прекраснейших высот Азийских: Кинченджунга, Белуха и Эльбрус. Итак, когда мы знаем, что Вы — алтаец, Вы нам еще и еще ближе".

В том же письме Рерих касается опять вопроса об обороне Родины и об изменнических настроениях в эмиграции: „Оборона Родины для всех нас близка, и я очень рад, что Вы оценили мою статью „Чаша

[1] Музей Рериха. *(Прим. автора.)*

Неотпитая", а вот пьяный Борис Суворин [1] разразился ругательством именно за то, что я сердечно сказал о Родине и народе Русском. Боже мой, сколько живет на свете предателей, должно быть где-то чеканятся специальные тридцать серебреников. Но не будем обращать внимание на всяких гадов. Через все пропасти, через все потоки пронесем любовь и служение нашей родине.— Очень рад слышать, что президент Бенеш тепло отнесся к [Русскому культурно-историческому] музею. Ведь музей является общерусским делом, и в этом широком понимании и служении будет истинно-созидательное начало. А с Вами мы еще встретимся [в СССР] и, бог даст, поработаем".

И еще — о Русском музее: „Отлично понимаю, что задача Комиссии по собиранию русской старины — нелегка. Но очень важно, что такое начало положено. Не будем думать, что по щучьему велению могут сразу образовываться многочисленные собрания. Важно заложить зерно, а каждое растение произрастает в свое время. Много вандальства на земле, в разных краях ее. Мог бы порассказать Вам в этом смысле очень многое. Может быть, как-нибудь выберу часок и запишу".

Дальше — опять личная нота и интересное упоминание о Максиме Горьком: „Недавно мой давний друг А. В. Руманов в письме своем прекрасно помянул Ваше имя. Каждое такое поминание о друзьях мне особенно ценно. Только добром пройдем, только улыбкою преуспеем. Помню, когда на одной лекции на Дальнем

---

[1] Реакционный журналист, бывший редактор газеты „Вечернее время" в Петербурге и редактор газеты „Русское время" в Париже. *(Прим. автора.)*

Востоке я тепло помянул Горького, то раздалось человеконенавистническое рычание, а разве Горький — не русский, а разве русский народ не остается таковым? Будем работать во благо, и Ваши письма для нас являются истинно светлыми вестями".

Патриотические настроения выражены и в письме от 12 июля 1938 года:

„Чувствую всем сердцем, как Вы и Ваши ближайшие трудитесь во благо. Это так редко сейчас! По миру ползет змий злобы и заражает дыханием своим все сущее. Только трудовыми, творческими и взаиморасположенными очагами можно бороться против ужасов разрушения и разложения. Также всегда будем помнить, что работаем мы для блага нашей любимой Родины. Пусть это сознание умножит наши общие силы... Одновременно с Вашим письмом мне прислали из Ревеля новую книгу „Волга идет на Москву", посвященную новому грандиозному каналу — он уже есть. Уже идут новые пароходы, и страна обогатилась новым нервом. Хотелось бы скорее быть там и принести русскому делу опыт и познание".

В письме от 16 августа 1938 года Н. К. Рерих предлагает всячески пропагандировать значение заграничного Русского культурно-исторического музея как начинания общерусского национального характера. „Давно я мечтал о таком русском форпосте в Европе,— говорит он.— Но наши казенные министерства находили тысячу препон к осуществлению этого моего предложения". Эту мысль о важности Русского музея за границей Рерих с особой ясностью выразил также в предисловии к составленной мною и художником А. И. Юпатовым книге „Русское искусство за рубежом" (Прага — Рига, 1938) — книге, представлявшей собой

не что иное, как иллюстрированный каталог картинной галереи Русского музея в Праге—Збраславе. Он писал: „Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это — первый Русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом. Русские достижения прежде бывали представлены на международных выставках, а также театральными постановками. Все это было очень нужно для осведомления Запада с русским творчеством. Но выставки и постановки были кратковременными, а пражская сокровищница есть учреждение постоянное, предназначенное запечатлеть разнообразные проявления русского творческого духа. Уже с 1906 года я неоднократно поднимал вопрос о создании в Европе особого русского хранилища или, хотя бы, русских отделов при существующих нерусских музеях. У каждого из нас бывали случаи болеть душою о недостаточном знакомстве европейцев и американцев с русским творчеством и с русским народом вообще. Люди, враждебные России, не переставали распространять самые неправдоподобные выдумки, желая представить русский народ отсталым и никчемным. Сейчас уже много сделано для ознакомления иностранцев с русскими культурными ценностями.

Наш Музей в Праге должен стать одним из источников знания об этих ценностях".

В письме от 28 августа 1938 года Н. К. Рерих отмечает развитие издательского дела в СССР и упадок его за рубежом, связанный с духовным и материальным оскудением интеллигентных слоев населения на Западе:

„Вы спрашиваете,— пишет Рерих,— нельзя ли достать для музея и что-либо из моего старого периода.

Но как же это сделать? Все эти вещи находятся в России и, по большей части, в музеях. Вообще, знаменательно отметить, что особенно за последнее время вещи нашей группы очень бережливо были собраны в музеях СССР и распределены целыми ансамблями. Также постоянно замечаем и появление воспроизведений. Еще недавно мы получили интересную книгу о [композиторе А. П.] Бородине, в которую вошла и моя картина. Книга написана очень задушевно, и можно порадоваться, что, наконец, русский народ начинает обращаться к своим ценностям. Тоже интересно, что теперь книги там издаются в огромном количестве экземпляров — и расходятся. А ведь прежде даже издание в 5000 экз. уже считалось необычайным. Как нужно помочь молодому поколению в его новых исканиях! Так бы и поехал, чтобы передать весь накопленный опыт. Ведь, в конце концов, несправедливо, что мы отдаем наши труды и накопления чужим народам, а часто — на тех языках, которыми владеем не в совершенстве, и потому наибольшая углубленность и утонченность пропадает. Мы — русские и поверх всего должны служить и помогать русскому народу. Сейчас многое настолько уродливо стоит, что эти мои простые, сердечные слова всякие кромешники и мракобесы будут истолковывать вкривь и вкось. Тем более ценно мне, что Вы сами так же точно мыслите".

Николаю Константиновичу хотелось бы содействовать распространению одного полезного, с его точки зрения, издания на английском языке (именно журнала „Flamma", выпускавшегося Обществом поощрения культуры в Нью-Йорке), но... препятствием служило всеобщее на Западе экономическое оскудение населения или тех его слоев, которые интересовались вопросами

культуры. „И ведь всюду „на обухе рожь молотится", всюду тяготы, обеднение и всякие препоны. В России — культурная пятилетка, а в других странах что-то об этом не слыхать! А если происходят какие-то бюджетные сокращения, то прежде всего они бывают направлены на отрасли культуры. Так, например, в Чикаго одно время годами не выдавали жалования учителям — вот Вам и прогресс!"

В письме от 12 ноября 1938 года трактуется вопрос о возвращении на Родину: „Если бы Вы только видели, как читались всеми нами Ваши прекрасные строки о Родине, Вы почувствовали бы, как Ваши мысли и Вы сами близки нам. Очень рад, что моим письмом дал Вам возможность выразить те мысли, которые еще более скрепили нашу дружбу. К Вашим словам и чувствованиям я ничего не могу добавить, разве только, что и Вы и мы все чувствуем, как иногда бывает необходима полнейшая жертвенность. Допустим, что народ может не понимать иногда самых лучших намерений, но из этого не следует, что мы не должны стремиться принести народу все наши познания и дарования. Не нам судить, где будет сделано меньше или больше, ибо иногда горчичное зерно может оказаться ценнее пышного алмаза".

И далее Рерих добавляет: „Прискорбно видеть, как многие русские заделались иностранцами. Например, Судейкин бесстыдно публикует в своем каталоге, что он — с прошлого года американский художник. Какая противоестественная нелепость! Итак, будем жертвенно русскими, и пусть любовь к Родине поможет нам всемерно оборонить ее в тяжкие дни..."

Следующее письмо, от 6 февраля 1939 года, тоже посвящено вопросу о возвращении на Родину и о

служении Родине, наветам „врагов", а также работе художника и писателя в Индии:

„Вы поминаете о возвращении „до дому". Близки нам эти Ваши слова. Если бы у Вас нечто подобное стало складываться, то, пожалуйста, спешно известите нас, чтобы еще обменяться вестями. Да, приходят сроки, и даже внешние события устремляют нас туда, куда принадлежит наша сущность... Рад слышать, что Вам понравились мои записные листы[1]. Из этих фрагментов складывается целая книга „Жизнь"... От юности и до сих пор я на все смотрел глазом добрым. Если хоть что-нибудь доброе можно было вспомнить, то я прежде всего собирал и сохранял в памяти именно такие черточки. Каждому из нас, работающему на общественной пашне, приходится быть готовым ко всевозможным злостным измышлениям и клевете. Недавно мне сообщили из Риги, что некий священник что-то читал обо мне неподобное и на заданный ему вопрос, за что он меня не любит, ответил: „потому что Рерих считает себя воплощением св. Сергия". Ну, скажите, откуда такой вздор может возникать?! ...спрашивается: каким же кривым путем чье-то злобное мышление может изобретать кощунственную клевету?! Увы, как много вреда причиняли невежественные и озлобленные „священнослужители"!

Вы пишете, что книга [Русское] Искусство за рубежом выйдет лишь в феврале. Не в мирное время выходит эта книга, и можно представить, сколько всяких, и малых, и больших, затруднений скопляется вокруг каждого [такого] культурного действа...

У нас в Индии была удачная выставка, и по-прежнему множество журналов требует моей статьи. Пишу

---

[1] То есть рукописи статей. *(Прим. автора.)*

о мире, о благоволении, о взаимном доброжелательстве и о всякой человечности. Даже и тогда, когда уже гремят пушки, слова о мире должны звучать. Но странно, что самые основные вопросы, можно сказать — вопросы о первопричинах, все меньше занимают человеческое воображение. Все чаще кажется, что многие открытия попали в человеческие руки слишком рано. Из самых выспренных открытий, как, например, крылья, люди ухитрились сделать лишь еще одно орудие убийства. Все это очень печально, и никакого просвета в этом отношении не предвидится.

Посылаю Вам для Вашей скрыни еще записные листы. Так приятно сознавать, что эти мысли будут в руках дружеских и понимающих их сущность. Вы поймете мою радость о Новгороде[1], ибо тридцать лет тому назад по моей инициативе были произведены раскопки в Детинце и на Рюриковом городище. Задумываю картину, посвященную Ярославу Мудрому и Киеву — матери городов Русских. И это исконное русское место всегда привлекало мое внимание. Ведь весь древний Киев, в развалинах, покоится еще не исследованный.

Чувствую и знаю, как нелегко сейчас и Вам, и Вашей семье[2], и отовсюду идут такие же вести. Пора трогаться — сроки приходят".

Между тем предгрозовая атмосфера в Европе и в мире предельно сгущалась. К захвату войсками Муссолини Абиссинии и гитлеровцами Австрии, к

---

[1] Новгород объявлен был Советским правительством „городом-музеем". *(Прим. автора.)*

[2] Рерих имел в виду тяжесть нашего положения, как советских граждан, в стране, которой угрожал захват немецкими фашистами. *(Прим. автора.)*

германо-итальянской фашистской интервенции в Испании добавилось еще мюнхенское соглашение западных держав. Для Гитлера открыта была дорога на Восток. Новой жертвой фашизма явилась в первую очередь Чехословацкая республика, преданная своим реакционным правительством и своими союзниками. Изменилось и положение советских граждан, проживавших в Праге. Те из них, кто работал в чешских учреждениях, увольнялись. Между прочим, уволена была из Психотехнического института (института для проверки способностей детей и молодежи) моя жена, о чем я сообщил Рериху. Николай Константинович отозвался тревожным письмом от 8 февраля 1939 года:

„Какие у Вас ближайшие думы и соображения? По нынешним временам, что думают о Музее разные люди? Все стало так шершаво, что многие колеса машин совсем не работают. В этой неразберихе теряется и многое ценное, и притом теряется невозвратно. Вот Вы писали о том, что Ваша супруга лишилась полезного занятия. Повсюду приходится слышать о всяких таких прекращениях и поломках. А между тем находятся и такие недоумки, которые считают положение вещей совершенно нормальным. Мне приходилось слышать, как люди говорили: „Университеты открыты, театры действуют, музеи существуют. Чего же больше?“ Можно было бы к этому добавить: „и лавки торгуют“. Но не думают эти несмышляи, какая именно жизнь в учебных заведениях и вполне ли обережены музеи. Ведь только потом, в следующих поколениях, вдруг окажется, что среди одного или двух поколений могли быть замечены пробелы. А пробелы эти, конечно, возникнут от нервной, нездоровой обстановки. Пример Архимеда, чертившего даже под опасностью, не для

всех возможен. А ведь большое преступление — искривить мысль молодого поколения. Верю, что нам с Вами еще придется встретиться, и еще большая надежда — придется и вместе потрудиться. Так хочется не растерять финальных лет и употребить их во всей напряженности именно там, именно для тех молодых, которые послужат на процветание Родины" (подчеркнуто мною. — *В. Б.*).

Нельзя без волнения читать о сокровеннейшем желании шестидесятипятилетнего художника — „не растерять финальных лет" и самоотверженно отдать их ей, и только ей, любимой Родине!..

Но вот пришло и трагическое 15 марта 1939 года. Чехословакия захвачена гитлеровцами. Начался фашистский террор в стране, правда обрушившийся пока лишь на головы чехословацких граждан. За русских немцы взялись лишь после 22 июня 1941 года. До начала германо-советской войны мы обменялись с Н. К. Рерихом лишь двумя письмами. Первое из писем Рериха, от 1 июля 1939 года, посвящено было исключительно деятельности Музея Рериха в Риге, в Латвии, поездке представителя этого музея в Париж за картинами русских художников (Рерих считал эту поездку ненужной) и отрицательной рецензии А. Н. Бенуа на вышедшую в Риге монографию о Рерихе — рецензии, очень огорчившей Николая Константиновича. Не буду цитировать жалоб и упреков престарелого художника по адресу современников.

В письме от 4 декабря 1939 года Рерих снова высказывает свою обиду на А. Н. Бенуа, на этот раз за то, что тот будто бы „ненавидел" рериховский пакт об охране памятников искусства и культуры и, вообще,

все призывы Рериха к культурному строительству, называя эту сторону деятельности художника „мессианством".

„Думалось мне,— писал Н. К. Рерих,— что в „Мире искусства"[1] должен сохраняться хотя некоторый корпоративный дух, но отношения Бенуа доказывают, что этого нет... Покойная Мария Клавдиевна Тенишева[2] всегда называла его Тартюфом, очевидно, она знала его природу. Меня нисколько не трогает оценка Бенуа и ему подобных. На наших глазах и Толстого, и Третьякова, и Менделеева, и Куинджи всячески поносили, но все это, как Вы правильно замечаете, лишь пыль, несущаяся за устремленным всадником".

Во второй части письма Рерих говорит о труде, о культуре:

„Мы все трудимся, и даже сейчас протекает ряд удачных выставок. Великое счастье, что в такое сложное время все же можно глубоко уйти в работу... Вы будете рады узнать, что наши сотрудники[3], несмотря на трудное время, приступили к изданию литературно-художественного сборника[4]. Одно кончается, а другое начинается, как в добром лесу поднимается

---

[1] Н. К. Рерих был членом общества „Мир искусства". *(Прим. автора.)*

[2] М. К. Тенишева — меценатка, устроительница художественных мастерских в с. Талашкине, Смоленской губернии, где Рерих расписывал церковь и занимался прикладным искусством. *(Прим. автора.)*

[3] Здесь Рерих имеет в виду работников Музея Рериха в Риге. *(Прим. автора.)*

[4] Этим сборником явились две книги журнала „Литературные записки", в котором, наряду с пропагандой искусства и дела жизни Н. К. Рериха, а также латышского искусства, много места уделялось культурным достижениям в СССР. *(Прим. автора.)*

новая и здоровая поросль. Напишите о своих трудах... У Елены Ивановны[1] Ваша книга „Духовный путь Толстого“ всегда на столе... Среди многих умалительных пристрастных характеристик великого писателя, в которых участвовали, к сожалению, даже его семейные, Ваши слова о нем звучат, как голос светлой, утверждающей правды. Мелкие умы не видят истинную сущность жизни. Человек всегда судит лишь от себя, ради себя и для себя. Те же житейские мудрецы любят говорить: так было, так есть и так будет. Скажем, к сожалению, было, к ужасу — еще есть, но пусть не будет. Иначе — как же быть с эволюцией? Мы все живем будущим и в этом находим единственный смысл бытия, и тем сильнее радость труда. Ведь ничто не может воспрепятствовать этой радости. Перед Зарею ночь особенно темна. Жаль, что почтовые сношения затруднены. Друзья тянутся друг к другу, имеют сказать сердечные слова, хотят помочь и поддержать, но это становится почти невозможно. Тем дороже, когда слышишь, что культурная работа продолжается и даже дает новые ветви. О культуре мы говорили изначала и будем утверждать это же и до скончания. Без культуры человечество обратится в двуногих“.

Это письмо я получил лишь при посредстве Музея Рериха в Риге, потому что почтовые сношения между населенными пунктами Британской Индии, где проживал художник, и Протекторатом Богемия и Моравия (Чехословакией), как частью Германской державы, в это время совершенно прекратились: уже шла мировая война.

---

[1] Е. И. Рерих — жена художника, писательница. *(Прим. автора.)*

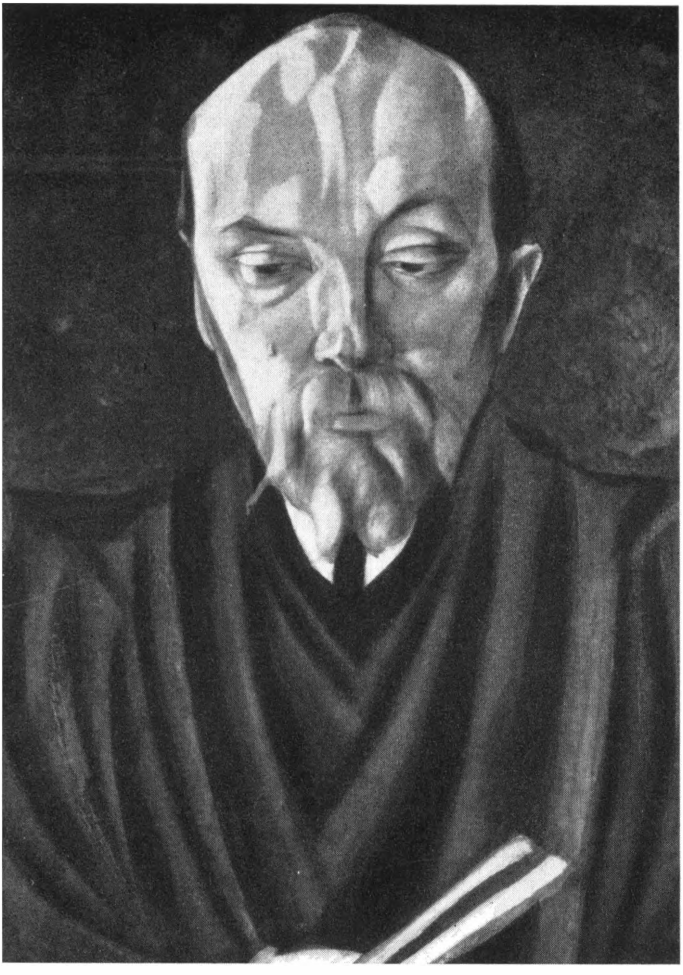
22 июня 1941 года гитлеровские орды начали свой набег на СССР. В тот же день я был арестован агентами гестапо. Началась для меня тюремно-этапно-лагерная эпопея. Уцелевши, я вернулся в Прагу ровно через четыре года после начала войны, 22 июня 1945 года. Русский культурно-исторический музей оказался разгромленным фашистами. Однако картины Рериха уцелели. Уцелел и его прекрасный портрет работы его сына Святослава. Все это, вместе с другими коллекциями, перевезено было в здание советской средней школы в Праге, в четвертом этаже которой и была организована мною Русская картинная галерея. Незадолго до моего возвращения вернулась из концентрационного лагеря Равенсбрюк моя старшая дочь, Татьяна, также арестованная в свое время фашистами.

Обо всем этом я написал Н. К. Рериху в Индию. Он ответил 24 июня 1946 года:

„Прилетела Ваша добрая весть от 10 июня—скоро долетела, ведь мы привыкли к длиннейшим срокам. Да, исстрадались Вы и Ваша дочь. Елена Ивановна слезу пролила, читая о пытках [1]. Не люди, а звери—хуже зверей. И сколько этого фашистского сора еще ползает. Сколько скудоумцев и злоумцев не понимает, какую мировую, героическую жертву принес Великий Народ Русский, Народ Победитель. Радуемся Вашей светлой оценке Сов[етского] Строительства, ибо мы живем тем же сознанием. Великое несломимое будущее дано Народу Труженику и Строителю. „Когда стройка идет—все идет".

---

[1] Моя дочь, подозревавшаяся в принадлежности к подпольному коммунистическому кружку, подвергалась пыткам в пражской тюрьме гестапо. *(Прим. автора.)*



Б. Д. Григорьев. Портрет Н. К. Рериха. 1917.

Думается, придете Вы в Ясную Поляну, в гнездо Великой Мысли. Сколько ценного можете Вы натворить и широко послать по всей целине необъятной. Вот Грабарь пишет о глубоком внимании правителей к Академии Наук, к ученым, к учителям. Только что получили от него письмо с этими ценнейшими сведениями. Из ТАССа получаем газеты и следим за новыми достижениями. Не мало удалось здесь поработать во Славу Русскую за эти годы, и такие посевы нужны безмерно. Народы во множестве своем верят Сов[етскому] Строительству, и молодежь ждет ободрения и светлого напутствия...

...Только теперь налаживаются почтовые сношения, а то годовые и полугодовые сроки и пропажа писем были отвратительны... Понемногу выявляются друзья в разных странах. Многие уже в лучшем мире, много весточек от незнакомых, но из Риги—ни звука!.. Из Франции—совсем скудные вести, из Югославии—ничего. В Бельгии все сохранилось и даже добро развивается[1]. Где молчание, там и мы не трогаем—мало ли какие могут быть местные условия...

Прекрасно, что укрепилось Славянское единение—всегда, от школьных лет, меня влекло к славянским собратьям. Наверно, или в [Советском] Посольстве или в Библиотеке Вы найдете журнал „Славяне" (Декабрь 1944)—там мой лист „Славяне"—прочтите. Нужно крепить братское единение, когда теперь все творится народами, множествами. Ренан сказал: „Люди составляют народ благодаря воспоминанию о великих делах, совершенных вместе, и желанию совершать

[1] В Бельгии и в других названных странах хранились крупные собрания картин Н. К. Рериха. *(Прим. автора.)*

новые подвиги". Вот и дожили мы до всенародных подвигов, пришел день—восхищаться и радоваться и вложить доброхотную лепту в чашу народных преуспеяний. Вперед, вперед и вперед! Учиться, учиться и учиться, как заповедал Ленин!"

Далее Николай Константинович пишет об успехах своих сыновей, ученого Юрия и художника Святослава, и о своих работах:

„Мы все трудимся—творим—преодолеваем. Юрий закончил огромный труд „История буддизма"—1200 страниц. Издается Кор. Азиатским Обществом в Калькутте. Там же были и другие его филологические труды, а сейчас опубликована его нужнейшая статья „Индология в России". Первый раз сделан такой научный обзор изучения Индии. Пошлю пакетом Вам четыре оттиска—для Вас, для Бенеша, для Яна Масарика, для Сов[етского] Посла. Вам виднее, кому и как. Святослав сильно преуспел в художестве. Он женился на Девика Рани, самой блестящей звезде Индии в фильмовом искусстве. Помимо великой славы в своем искусстве, Девика—чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый, задушевный член семьи, с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери. Сама она попрежнему много пишет—вся в работе.

Мои картины множатся. Жаль, когда картины, мысленно предназначенные для Родины, уходят в Музеи на чужбине. Впрочем, Индия—не чужбина, а родная сестра России".

Письмо от 7 ноября 1946 года полно также выражениями любви к Родине и заботами о ее судьбах:

„Радовались неожиданно открытому Вашему свойству с [В. А.] Весниным... Веснин—крупнейший

зодчий, пристально слежу за его достижениями. Авось, встретимся. Зовут, зовут!.. Поредел строй наших сверстников. Грабарь сообщает о кончине Лансере, Богаевского (голову ядром оторвало в Крыму), Билибина, Лукомского, Самокиша, Яремича и др. Пусть молодежь крепнет!

Русь живет творчеством, искусством, наукою. Народы поют, а где песня, там и радость. Слушали вчера [по радио] доклад [А. А.] Жданова — хорошо сказал. Сейчас слушали парад. Величественно. У Вас, конечно, ясно Москву слышно. У нас, если атмосфера не мешает, хорошо доносится. Но электричества у нас, в Гималаях, нет, и приходится пользоваться сухими батарейками, все-таки слышно — и на том спасибо! Говорят, скоро здесь будет Сов[етский] Посол, пока [прибыли] лишь американский, тибетский, китайский. Ждем нашего. Интересно, как решится вопрос Русского музея в Праге. Вы помните мое давнишнее желание, чтобы везде гремело творчество народов Союза. Мы убеждаемся, как ждут в Индии Сов[етское] Искусство. Видим это по нашим картинам, которые в здешних музеях,—любят их.

...Конечно, нашим сотрудникам в Америке сейчас не легко, ибо реакция и наветы на СССР велики. Вчера Жданов хорошо сказал: „во время войны восхищались нашим мужеством, патриотизмом и моральными качествами, а теперь вдруг у нас оказался подозрительный характер и мы сделались угрозою миру". Да, изменчиво людское суждение. Но ведь давно сказано: „и это пройдет". Не помню, посылал ли я Вам перед войною мой записной лист: „Не замай!" Он оказался пророческим, меч, поднятый на Русь, опустился на захватчиков. Из Москвы тогда писали, что там он

(записной лист) произвел впечатление. Да, да, „не замай“ нашу любимую, великую Родину!“

В письме от 29 ноября 1946 года Н. К. Рерих шлет привет к моему шестидесятилетию, пишет о своем житье-бытье, о необходимости защищать Родину против злых наветов:

„Гималайский привет к Вашему шестидесятилетию! Вы что-то помянули о старости. Ну, какая же это старость! Это — почтенный, умудренный возраст. Дух, мозг разве старится, если человек не хочет впадать в старость? Мой дед Федор Иванович жил сто пять лет. Очки не носил, да еще курил беспрестанно так, что его называли „рекламой для табачной фабрики“. Да и Бернард Шоу перевалил за девяносто, а голова полна светлой мудрости. Вам еще нужно столько сделать, столько запечатлеть в пользу будущим поколениям... Вы полны доброжелательства, дружелюбия, а такие качества особенно нужны при нынешнем Армагеддоне Культуры! Сложное время. Малодушные не видят творческого пути.

Радовались Вашим встречам на приеме в Сов[етском] Посольстве. Мы часто слышим имя [А. Ф.] Горкина в радиопередаче, когда он скрепляет Указы Правительства... В журнале „Эксцельсиор“ была Ваша фотография с Толстым и при ней статья — в Сов[етской] России спрос на „Войну и мир“ все растет, и автор надеется, что многие заветы Толстого будут жить и вести человечество. Помню и я завет Л[ьва] Н[иколаевича] моему „Гонцу“: „Пусть выше руль держит, тогда доплывет“.

8-го декабря в Белграде — Всеславянский Съезд. Хотел, было, послать приветствие, но куда? Теперь все адреса растерялись. Иногда прямо — „мертвые души“.

Вот в Загребе была Югославская Академия науки и искусства, был я там Почетным членом, а с 1939— ни слуху, ни духу. Так же и во Франции многое замерло. Ни мне, ни нашим друзьям в Америке не нащупать, кто жив или переменил местожительство. А ведь время-то бежит! Нашей АРКА тоже не сладко. Столько злобных наветов на СССР, что некоторые малодушные забоялись и примолкли. Пора всем нашим согражданам разобраться и понять, где истинные друзья,— такие друзья, кто приобщились не ради Русской Победы, но по глубокому осознанию великого переустройства, ради светлого всенародного будущего".

Наступил 1947 год. В письме от 14 февраля 1947 года Н. К. Рерих сообщает о посещении Индии делегацией советских ученых: „Приезжала в Индию делегация московских ученых. Мы-то их не видали, а Святослав с Девикой очень подружились с ними. Особенно хвалили академика [Е. Н.] Павловского — истинный ученый подвижник. Видели ли Вы книгу Александра Поповского „Вдохновенные искатели" (Москва, „Советский писатель", 1945). Прочтите,— доброжелательная книга о наших современных подвижниках. Наверно, в Праге она имеется. Вот бы перевести! Юрий [Николаевич] посылает Вам свое исследование о Гессар-Хане (Монгольский эпос). Недавно монголы в Улан-Баторе праздновали память этого легендарного героя. Ох, все труды Юрия должны бы быть изданы на Родине! Приезжие оттуда академики называли нашу экспедицию — „мировое достижение". Вот бы и издали труды на пользу всесоюзную!"

Я писал Рериху о композиторе С. А. Траилине, проживавшем в Праге. „С Траилиным не пришлось

встречаться,— отвечал Николай Константинович,— но хорошие отрывки из его „Тараса Бульбы“ слышал. Удачная опера! Вообще, хорошо, что около Вас собирается культурная группа. Всегдашнее мое мечтание о Культурном Единении, о Знамени Мира невежды зовут утопией, а другие — труизмом. Такой же труизм, как „Не убий“, а земля посеяна черепами“.

Культуре и, в частности, приобщению молодежи и особенно трудовой молодежи к культуре посвящена и статья Рериха „Порадуемся“, приложенная в рукописи к письму от 14 февраля 1947 года. В статье, между прочим, говорится:

„...С молодых лет судьба поставила нас близко к учащейся молодежи... Два десятка лет перед нами проходили самые разнообразные учащиеся... Хорошо, что пришлось иметь дело именно с трудящейся молодежью. Ее было в нашем окружении больше, нежели обеспеченной и богатой. Показательно было наблюдать, как и в самых трудных бытовых условиях молодые дарования стойко развивались. Такие наблюдения тем дороже, что в них заключается не сентиментальное предположение, но сама светлая действительность. Трудовая молодежь отдавала свои дарования не только станковой живописи, но и решительно всем проявлениям народного искусства. Мы всегда указывали, что нелепое название „художественная промышленность“ должно быть оставлено и заменено широким понятием искусства. Сколько раз приходилось указывать, что пуговица, сработанная Бенвенуто Челлини, будет гораздо выше, нежели множество холстов в широчайших золотых рамах...

Мы все помним, как еще на нашем веку люди глумились над собирателями русских ценностей, над

Стасовым, Погосскою, кн. Тенишевой и всеми, кто уже тогда понимал, что со временем народ русский справедливо оценит свое природное достояние. Помню, как некий злой человек писал с насмешкою „о стольчаках по мотивам Чуди и Мери". Ведь тогда не только исконно русские мотивы, но даже и весь, так теперь ценимый звериный стиль, которым сейчас восхищаются в находках скифских и луристанских, еще в недавнее время вызывал у некоторых снобов лишь пожимание плечей. Теперь, конечно, многое изменилось. Версальские рапсоды[1] уже не будут похулять все русское. Русский народ оценил своих гениев и принялся приводить в должный вид остатки старины".

В конце листа (статьи) Рерих приветствует восстановительные работы в СССР после войны: „В разрушенных войною городах прежде всего создаются Дома Культуры, Научные учреждения, Школы, Музеи, Театры, Больницы. Не успевает народ оправиться от варварского нашествия, как уже устремляется к Культурному строительству".

Короткая записка от 3 марта 1947 года хоть и имеет личный характер, но косвенно также свидетельствует об уважении маститого художника к культуре и к людям культуры. Вот ее дословное содержание:

„Дорогой В. Ф. От Вас всегда добрая весть. Так было, так есть, так будет. Большое спасибо за привет зодчих! Духом с Вами. Н. Рерих".

Дело в том, что я показывал прибывшим из Москвы в Прагу советским архитекторам русскую картинную

---

[1] Прозрачный намек на А. Н. Бенуа, писавшего Версаль и критически относившегося к русской реалистической живописи. *(Прим. автора.)*

галерею при советской средней школе. Архитекторы искренно восхищались картинами Рериха и решили послать через меня письменный коллективный привет художнику в Индию, что и было сделано. Тронутый Рерих реагировал вышеприведенной запиской.

В письме от 6 июня 1947 года говорится о занятиях художника, о советских деятелях, о вестях из Москвы:

„Давно не было Вашей вести, не пропала ли? Должно быть, много дел и встреч у Вас. Из Московских газет видим, сколько друзей побывало теперь в Праге... Наверно, Вы встретились с Шостаковичем, с Мравинским. Как хороша восьмая симфония Шостаковича! — даже по отрывкам радио и то чуется мощь. Здесь, несмотря на всякие волнения, о чем Вы знаете из газет, несколько приглашений на выставки и скоро еще выходят мои книги,— всего здесь их будет семь, число хорошее... Москва по-прежнему радует вестями. Все пишут: „скоро увидимся". Говорят о каких-то новых друзьях. А Вы знаете, как меня радует каждое содружество, каждое сотрудничество. В нем — добротворчество".

Наконец, еще одно, последнее письмо Н. К. Рериха, от 10 октября 1947 года, написанное за два месяца до его неожиданной кончины. В этом письме с какой-то особой отчетливостью вырисовывается перед нами величавый духовный облик выдающегося художника, запечатлена снова его горячая любовь к Родине, отражена непрестанная забота о строительстве русской культуры, чарует его медлительный, своеобразный, устоявшийся, чудесный русский язык, и это дает мне основание привести здесь последнее письмо Рериха без каких бы то ни было сокращений:

„Дорогой друг В. Ф.

Наверно, Вы удивляетесь долгому перерыву в моих вестях, после Вашего доброго Июньского письма. Причин много и все неприятные. С начала Июля я сериозно и внезапно заболел. В постели около трех месяцев, боли, операции, и все это в наших горных, уединенных условиях. Говорят, через несколько недель все наладится, но все еще на больном положении. Никогда я так долго не болел, и все сие тягостно. Вторая причина: с начала августа почта и телеграф лопнули. Мы отрезаны [1]. Конечно, масса почты пропала, а остальное где-то валяется. Будто бы только теперь обещают сношения, и я спешу послать Вам весточку — авось, дойдет. Добрую весть Вы сообщаете о намерении Академии наук издать Ваши воспоминания [2]. Перед Вами прошло столько великого, что именно Вы — внимательный, чуткий, доброжелательный — можете отобразить волны бурь и достижений. Сердечные мысли наши с Вами в трудах Ваших. Грабарь пишет много о благоустройстве жизни художества. Между прочим, он сообщает, что моя серия „Красный всадник" (привезенная нами в Москву в 1926 году) находится в Музее Горького в Горках, где он жил и скончался. Вдвойне я этому порадовался. Во-первых, А[лексей] М[аксимович] выказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин „Красного Всадника" — Гималайские, и я почуял, что в них

[1] В Индии после разделения ее в 1947 году на два государства — Индию и Пакистан — происходили спровоцированные английскими империалистами столкновения на религиозной почве между индусами, мусульманами и сикхами. Нормальная жизнь была нарушена. *(Прим. автора.)*

[2] Недоразумение. Я писал о Гослитиздате. *(Прим. автора.)*

А[лексей] М[аксимович] тянулся к Востоку. Не забуду его рассказ о встрече с факиром на Кавказе [1].

В своем последнем письме Грабарь описывает строящийся академический поселок в Абрамцеве (недалеко от Троице-Сергиевской Лавры)... Наша любимая Родина да будет оплотом высокой Культуры!

Бывало, не мало нам приходилось претерпевать, когда мы заикались о Русской Культуре. Всякие рапсоды Версаля поносили нас и глумились о „наследии Чуди и Мери". Злобные глупцы! Прошли года, и жизнь доказала правоту нашу. Русь воспрянула! Народы

[1] Рассказ А. М. Горького приводится в книге Н. К. Рериха „Нерушимое" (стр. 332). В дружеском кругу, где присутствовали Горький и Рерих, говорили о иогах и о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Ждали от Алексея Максимовича порицания. Но его заключение оказалось для многих неожиданным. „А все-таки замечательные люди эти индусы,— сказал Горький.— Говорю только о том, что сам видел. Однажды, на Кавказе, пришлось мне встретиться с приезжим индусом, о котором рассказывалось много таинственного. В то время я не прочь был и в свою очередь пожать плечами о многом. И вот мы, наконец, встретились, и то, что я увидал, я увидал своими глазами. Размотал он катушку ниток и бросил нитку вверх. Смотрю, а нитка-то стоит в воздухе и не падает. Затем он спросил и меня, хочу ли я что-нибудь посмотреть в его альбоме, и что именно. Я сказал, что хотел бы посмотреть виды индусских городов. Он достал откуда-то альбом и, посмотрев на меня, сказал: „Вот и посмотрите индусские города". Альбом оказался состоящим из гладких медных листов, на которых были прекрасно воспроизведены виды городов, храмов Индии. Я перелистал весь альбом, внимательно рассматривая воспроизведения. Кончив, я закрыл альбом и передал его индусу. Он, улыбнувшись, сказал мне: „вот вы видели города Индии", дунул на альбом и опять передал мне его в руки, предлагая посмотреть еще. Я открыл альбом, и он оказался состоящим из чистых, полированных медных листов, без всякого следа изображений. Замечательные люди эти индусы!" *(Прим. автора.)*

Российские победоносно преуспевают во главе всего мира. Строят и украшают свою великую Родину. На диво всему миру творят молодые силы исторические достижения. Вы-то понимаете и купно радуетесь.

По слухам, почта скоро наладится, но слухов вообще много. Хорошо еще, что радио действует. А тут еще нахлынули неслыханные ливни и нанесли всюду большой ущерб. Не легко строить мосты и чинить обвалы в горах. Вообще, лето было необычайно трудное. Какие у Вас были гости? Что доброго? А мы в думах с Вами и шлем Вам всем сердечный привет.

Всегда было радостно слать привет туда, где он будет воспринят, а теперь такая посылка особенно ценна. Мир и радость — два оплота преуспеяния. Лишь Русское Сердце отзвучит на такой зов. Всюду — океан горя, бедствий, неразрешимых задач. Не пишу о бедствиях Индии. Наверно, в Ваших газетах достаточно отмечается горе великой страны. Ганди в день своего 78-летия горестно отметил: мною получено много поздравлений, но более уместны были бы соболезнования. Скорбит Индия. А там за горами — за долами идет великая стройка Культуры. Исполать!

Радоваться Вам!

Н. Рерих".

13 декабря 1947 года Николая Константиновича Рериха не стало.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Валентин Федорович Булгаков родился 13(25) ноября 1886 года в городе Кузнецке Томской губернии, в семье смотрителя училищ.

Еще будучи гимназистом, Булгаков увлекся литературой. Под руководством выдающегося русского путешественника, исследователя Сибири, Монголии и Китая этнографа Г. Н. Потанина он изучает местный фольклор. Русские и ойротские сказки, записанные Булгаковым-гимназистом, были опубликованы под редакцией Г. Н. Потанина в 1906 году в „Записках Краснодарского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества".

В эту же пору юный Булгаков сотрудничает в местных газетах. В частности, в 1904 году в литературном приложении к газете „Сибирская жизнь" была помещена его большая статья „Ф. М. Достоевский в Кузнецке".

После блестящего, с золотой медалью, окончания Томской гимназии Булгаков поступает в 1906 году на историко-филологический факультет Московского университета. Именно в это время у него возникает острый интерес к мировоззрению Л. Н. Толстого. В августе 1907 года Булгакову посчастливилось познакомиться с Л. Н. Толстым лично, после чего, в 1908 и 1909 годах, молодой филолог неоднократно посещал великого писателя, а в декабре 1909 года привез ему свою рукопись, являвшуюся систематическим изложением воззрений Толстого-мыслителя. Л. Н. Толстой не только одобрительно отнесся к этой работе Булгакова, но даже написал к ней предисловие. (Труд этот, однако, увидел свет только после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1917 году.) Л. Н. Толстой направил Булгакова к своему единомышленнику В. Г. Черткову, занимавшемуся издательской деятельностью. Познакомившись с Булгаковым, Чертков рекомендовал его Л. Н. Толстому в качестве помощника, так как секретарь писателя Н. Н. Гусев, обвиненный в распространении произведений Толстого, запрещенных цензурой, в августе 1909 года был арестован и выслан из Ясной Поляны.

17 января 1910 года Булгаков стал личным секретарем великого русского писателя и оставался им до последнего дня жизни

Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Булгаков говорил, что был „совершенно счастлив получить возможность постоянной близости с человеком, к которому не мог относиться иначе, как с величайшим преклонением и любовью". Молодому секретарю, хорошо знакомому с миропониманием Толстого, было поручено не только помогать вести обширнейшую переписку, а порой и отвечать от имени Л. Н. Толстого на множество писем, приходивших в Ясную Поляну со всех концов земли, но и участвовать вместе с Толстым в составлении его книги „Путь жизни". Булгаков провел рядом с Л. Н. Толстым последний год его жизни, был непосредственным свидетелем сложной обстановки и тяжелых переживаний Толстого перед его уходом из Ясной Поляны. Высказывания гениального писателя, все свои наблюдения Булгаков, живший в это время то в Ясной Поляне, то в трех верстах от нее, на хуторе Черткова Телятинки, самым тщательным образом записывал в свой дневник. Этот дневник под названием „У Толстого в последний год его жизни" вскоре после смерти Л. Н. Толстого, в 1911 году, был опубликован, а затем многократно переиздавался, что свидетельствует о неослабевающем интересе читателей к этому правдивому документу. Дневник Булгакова был переведен также на чешский, немецкий, итальянский и другие иностранные языки.

В 1911 году вышла в свет другая книга Булгакова — „Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря".

После смерти Л. Н. Толстого Булгаков в течение 1912—1916 годов работает над описанием библиотеки великого писателя в Ясной Поляне. В 1914 году Булгаков, обвиненный в составлении и распространении воззвания против войны, был арестован и провел больше года в тульской тюрьме. Статья Булгакова — воззвание против войны была опубликована только в 1917 году. В это время Булгаков редактирует „Серию сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных цензурой", а в 1920 году, вместе с А. П. Сергеенко,— журнал „Истинная свобода".

В период с 1916 по 1923 год Булгаков был помощником хранителя, а затем заведующим Музеем Л. Н. Толстого в Москве. При его активном участии в 1921 году был реставрирован и открыт как музей дом Л. Н. Толстого в Хамовниках. С 1922 года Булгаков сотрудничал также в Музее А. П. Чехова, Музее-квартире А. Н. Скрябина, Доме-музее П. И. Чайковского и в других мемориальных музеях.

В 1923 году Булгаков с семьей выезжает в Чехословакию. Здесь он продолжает свою литературную деятельность. В 1924 го-

ду в сборнике „На чужой стороне“ (Прага) были опубликованы дополнения к дневнику Булгакова, а четыре года спустя они вышли отдельным изданием („Трагедия Толстого“). Кроме того, Булгаковым были написаны воспоминания о Февральской революции („Революция на автомобилях“), книги „Толстой-моралист“, „В доме великого Толстого“, „Памяти доктора Д. Маковицкого“, „В осиротелой Ясной Поляне“, „Русское искусство за рубежом“ и другие. Помимо этого, в Чехословакии Булгаков преподает русский язык, занимается переводами, читает лекции о Толстом. С лекциями о Толстом он выезжает также в Австрию, Болгарию, Германию, Швейцарию, Югославию. Здесь он собирает, кроме того, различные материалы о Толстом и пересылает их в Москву, в Музей Л. Н. Толстого.

В 1934 году Булгаков организует близ Праги, в Збраславе, Русский культурно-исторический музей, собирает предметы русской старины, рукописи и книги русских писателей, произведения русских художников, фотографии деятелей русской культуры, с тем чтобы затем образовавшуюся коллекцию перевезти на Родину. (Коллекция Русского культурно-исторического музея — более полутораста картин, рукописи, фотографии и книги — впоследствии была распределена между Государственной Третьяковской галереей, Государственным Историческим музеем и Центральным театральным музеем имени А. А. Бахрушина в Москве).

Ко времени пребывания Булгакова за границей относится его знакомство с Р. Ролланом и Р. Тагором и переписка с А. Эйнштейном.

22 июня 1941 года, в день нападения фашистской Германии на Советский Союз, гестаповцы арестовали Булгакова, как советского гражданина и антимилитариста. После тюремного заключения в Праге он был переведен в лагерь для интернированных советских граждан близ города Вейссенбург, где и пробыл до весны 1945 года.

После освобождения, с осени 1945 года, Булгаков является редактором „Советского бюллетеня“ в Праге и преподавателем в советской школе-десятилетке.

В 1948 году Булгаков с семьей возвратился на Родину. Здесь он становится вначале научным сотрудником, а затем хранителем яснополянского Дома-музея Л. Н. Толстого, где проводит большую реставрационную работу. Одновременно Булгаков выступает в Туле, Орле, Курске и других городах со своими воспоминаниями о Л. Н. Толстом и публикует в журналах воспоминания

о своих встречах с русскими художниками. По возвращении на Родину Булгаков завершил свой большой труд — составление „Словаря русских зарубежных писателей".

В 1958 году Булгаков был принят в члены Союза писателей СССР, а в 1965 году был избран членом ревизионной комиссии правления Союза писателей РСФСР.

Выйдя в 1959 году на пенсию, Булгаков продолжал работать в Ясной Поляне над большой рукописью — своими воспоминаниями, озаглавленными им „Как прожита жизнь".

22 сентября 1966 года Валентин Федорович Булгаков скончался.

Э. Милина